

УДК 94(47).084.3

Т. П. Федяева

Т. P. Fedyaeva

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В МАРИЙСКОМ КРАЕ В 1920 — 1921 гг.

THE PEASANT MOVEMENT IN THE MARI LAND IN 1920 — 1921

Ключевые слова: крестьянство, «военный коммунизм», продразверстка, общественные амбары, голод, продналог, крестьянские волнения.

В статье дается характеристика крестьянского движения в марийском крае в 1920 — 1921 гг. на основе впервые вводимых в исторический оборот архивных документов. Особое внимание уделяется предпосылкам крестьянских волнений на территории края. Описываются основные события и их последствия.

Key words: peasantry, “war communism”, prodrazverstka, public barns, famine, food tax, peasant uprisings.

The article characterizes the peasant movement in the Mari land in 1920 — 1921 on the basis of archival documents introduced into the historical context for the first time. Particular attention is paid to the prerequisites for peasant uprisings in the territory of the region. The main events and their consequences are described.

Крестьянское движение на территории России в годы Гражданской войны долгое время изучалось с позиции официальной коммунистической идеологии и характеризовалось как контрреволюционное. Настоящие масштабы движения и истинные причины восстаний стали известны лишь с распадом СССР в 1990-е гг. Это стало возможным после снятия грифов «секретно» с многих архивных документов и увеличением на этом фоне публикационной активности исследователей. Вышли в свет специализированные сборники документов, освещающие крестьянское движение¹. Весомый вклад в изучение проблемы крестьянских выступлений в период Гражданской войны внесли историки В. В. Данилов², В. В. Кабанов³, В. В. Кондрашин⁴, Т. В. Осипова⁵, С. А. Павлюченков⁶ и В. А. Юрчёнков⁷. На современном этапе развития историографии крестьянское движение продолжает пополняться новыми эпизодами.

Крестьянство по всей России, в том числе и крестьянство марийского края, несмотря на тяжелые последствия восстаний 1918 — 1919 гг., продолжало пытаться противостоять большевистской машине «военного коммунизма». С каждым годом все рьянее звучал лозунг восставших: «Советы без коммунистов!». При этом, как отмечает историк В. В. Кондрашин, повстанцы не выступали против советской власти и коммунистической идеологии. В большинстве своем они отделяли центральное руководство от местных коммунистов, обвиняя последних в проведении «грабительской антикрестьянской политики». Повстанцы стояли на принципах соблюдения «демократических норм при формировании народной власти: „Народное правительство, избранное тайным и равным для всех голосованием“»⁸.

В марийском крае наиболее предметно население выступило против правящей партии в ходе восстания в Помарской волости осенью 1919 г., объявив запрет на деятельность коммунистической партии на территории волости и взяв под надзор местных коммунистов⁹. В ночь на 5 марта 1920 г. в с. Морки были сняты 2 прокламации с надписями: «Долой коммунистов!», «Да здравствует крестьянское объединение!», «Да здравствует Учредительное собрание!». Лица, вывесившие их, убиты не были¹⁰.

Подобное отношение к коммунистической партии обусловлено тем, что население видело в ней главного виновника упадка сельского хозяйства и тяжелого продовольственного положения. Ведь к 1920 г. крестьяне не могли не то что поставлять продовольствие для городов, армии и рабочих, но и прокормить самих себя. Страну начал окутывать голод. Это стало следствием полного изъятия в 1918 — 1919 гг. у сельчан хлеба в ходе разверсток и карательных мер за их неправильное несоветское, контрреволюционное, по мнению большевиков, поведение. Связанный с этим недостаток семенного материала порождал сокращение посевных площадей. Кроме того, заинтересованность крестьянина в расширении посевов в условиях действующей аграрной политики с каждым годом падала, так как он не мог распоряжаться продуктами труда по своему усмотрению. Однако, несмотря на бедственное положение российской деревни, на нее продолжали падать тяжелым грузом различные продовольственные и непродовольственные наряды. Никто не пытался облегчить крестьянское положение.

В марийском крае уже с первых месяцев 1920 г. стали фиксироваться крестьянские волнения. Население деревень Ия-Рода, Лап-Сола, Прес-Энер, Нужъял Арбанской волости Краснококшайского уезда уволили доверенных лиц с мельниц и размалывали муку без установленных карточек. Инициативная группа крестьян была арестована¹¹. В конце января на продовольственной почве произошло восстание в Кадамской волости Яранского уезда. Оно было достаточно быстро ликвидировано, но, по данным уездного ответственного организатора по работе в деревне, не обошлось без жертв¹². В апреле 1920 г. Яранский уездный организатор по работе в деревне обращал внимание на то, что население в ходе волнений предпринимает попытки к разгрому сыпных продовольственных складов и подобное явление начинает переходить в систематическое¹³. В дальнейшем по мере обострения продовольственной ситуации погром любых хранилищ хлеба становится нормой. Так, в мае 1920 г. жители одной из деревень Моркинской волости разграбили мельницу, забрали 74 пуда 30 фунтов муки и разделили ее по количеству едоков¹⁴. Показательным с точки зрения обличения проблем деревни стал VII Уржумский съезд Советов крестьянских, рабочих, красноармейских депутатов, прошедший в первых числах июля 1920 г. Докладчик от Сернурской волости поднимал вопрос о баснословном разрыве между твердыми и реальными ценами на продукты и предметы первой необходимости. К тому времени цена за 1 пуд хлеба вместо 41 руб. доходила до 10 000 руб., картофель вместо 20 руб. стоил 1 000 руб., масло вместо 50 руб. — 2 000 руб., соль вместо 4 руб. — 2 000 руб., спички вместо 1 руб. 50 коп. — 2 000 руб. Стоимость рабочей силы вместо 40 руб. 80 коп. составляла 1 500 руб., с лошадью вместо 132 руб. — 3 000 руб.¹⁵

Делегат Токтай-Беляжской волости докладывал о недостатке продовольствия. Обследование зажиточных хозяйств не дало результатов. Крестьяне ежедневно приходили в исполком с просьбами выдать хлеб. Удовлетворить эти просьбы исполком был не в состоянии. На этой почве население высказывает недовольство

местными и уездными властями. В то же время «кулаки злорадствуют, говоря людям, что вот, как кормит вас советская власть». Такое положение дел вызвано непосильным нарядом хлебной разверстки на волость. Население стало употреблять в пищу семенной материал, вследствие чего получился громадный недосев яровых хлебов: из 8 152 дес. было засеяно 5 022 дес.¹⁶

Справедливость распределения норм разверстки затрагивалась в докладе Хлебниковской волости. В нем указывалось, что уездный продовольственный комитет не считается ни с количеством посевной площади, ни с количеством луговых наделов, ни с другими факторами, влияющими на урожайность. В пример приводилось распределение разверстки по трем волостям: Ирмучашской, Пилинской и Хлебниковской. Ирмучашская волость при количестве земли в 19 724 дес., подлежащей обложению, при сенокосных угодьях в 1 425 дес. получила наряд в 6,5 пудов с дес. Такой же наряд получила Пилинская волость с 22 358 дес. посева и луговым наделом в 2 226 дес. Хлебниковская волость же получила наряд в 8,4 пуда с дес. при 15 452 дес. общего посева и 904 дес. лугов¹⁷. Представители Косолаповской волости остановились на методах проведения хлебной монополии. Они жаловались на то, что зимой 1920 г. для достижения результата при выполнении хлебной и прочих разверсток население сажали в холодные амбары, били прикладами, угрожали расстрелом. Местный исполком был поставлен в известность о неправомерных действиях продотрядовцев. Производились дознания, но до настоящего времени нет известий о том, понесли виновные наказание или нет¹⁸.

Делегаты Черемиско-Турекской волости констатировали, что жители волости приходят с жалобами на отсутствие сельскохозяйственных машин и орудий, таких как сохи, бороны, сеялки и др. Помимо этого практически вся упряжь пришла в негодность ввиду частых нарядов подвод, а для ее восстановления нет материалов. В целом все сельское хозяйство в упадке. Молодняк не выращивается, а стадный скот в плохом состоянии¹⁹.

Поднятые на съезде проблемные вопросы были характерными для любого уголка Советской России данного периода. При этом представители различных территорий предлагали пути решения сложившейся ситуации. Так, в Сернурской волости было предложено продорганам ходатайствовать об изменении продовольственной нормы и продовольственной политики, в первую очередь считаясь с потребностями производителей, а оставшиеся излишки извлекать в пользу государства мерами более разумными, не разрушающими благосостояние сельских хозяйств²⁰. Однако в условиях необходимости мобилизации всех ресурсов на благо победы «красных» в Гражданской войне на такие меры руководство любого уровня не решилось бы пойти. На уровне волости, уезда или губернии подобные действия расценивались бы как контрреволюционные, целью которых являлся подрыв авторитета советской власти и реставрация старых порядков.

В дни съезда в Конганурской волости произошло крестьянское волнение, в ходе которого многочисленной армией жителей был разгромлен хлебный амбар в с. Конганур²¹. С конца июня по волости стал распространяться слух о том, что 5 июля будет производиться раздача хлеба населению. В обозначенный день к 9 часам утра к зданию исполкома в с. Конганур съехалось 5 тысяч жителей из 60 деревень²². Инструктора по продовольствию Андриянова не было в исполкоме. Толпа начала приставать с вопросом о выдаче хлеба к секретарю исполкома Кропачеву. Он ответил, что хлеба нет на складе. Толпа пошла искать инструктора. Встретив его, начала тре-

бовать продовольствия. Так, в окружении толпы инструктор Андриянов дошел до помещения исполкома. На все разъяснения о том, что уездные власти не дали разрешения на выдачу хлеба, собравшиеся не обращали внимания. Загнали в угол инструктора, секретаря исполкома и товарища председателя, угрожая порвать их на куски, если те не выдадут хлеба. Здание исполкома было полностью окружено. Остальные члены и служащие волостного исполкома спрятались. Оставшейся троице ничего не оставалось делать, как вызвать заведующего продотделом. По прибытии завпродотделом инструктор по настоянию толпы написал разрешение потребителю обществу о выдаче хлеба из расчета на 2 недели по 12 фунтов на человека. Сначала хлеб выдавался членом потребсоюза и весовщиком. Затем член потребсоюза ушел, и крестьяне начали распоряжаться хлебом сами. Весовщик же принимал деньги и контролировал количество человек по спискам, предоставленным сельскими советами. Неоднократные попытки местных властей остановить раздачу хлеба завершались неудачами. Раздача прекратилась только с наступлением темноты. При этом собравшиеся жители решили заночевать в амбаре и начать выдачу продовольствия с рассветом²³.

Рано утром из с. Токтай-Беляк прибыл отряд 6-й армии 18-й стрелковой дивизии под командованием помощника райпродкомиссара Романова. Оружейным залпом толпа была рассеяна. У амбара осталось около 40 — 50 человек. Все они были арестованы²⁴. Далее отряд направился в д. Борисята для ареста зачинщика волнения Иона Ешмекова, который при задержании оказал сопротивление, убив продотрядовца. Ешмеков был расстрелян на месте²⁵. 7 июля комиссией по производству дознания о разгроме хлебного пункта были арестованы председатель исполкома Ф. В. Солоницын, члены исполкома Н. Я. Смирнов, Н. П. Смоленцев, заведующий оргасевом М. В. Щербаков и делопроизводитель земотдела М. А. Виногоров как отсутствующие на своих постах во время разгрома амбара²⁶. В течение июля у населения волости, участвовавшего в волнении, прошли реквизиции разобранного из амбара хлеба²⁷.

Летом 1920 г. в связи с изменением административно-территориального устройства РСФСР, в частности образования Татарской АССР и Чувашской автономной области, Краснококшайский и Козьмодемьянский уезды поменяли свою региональную принадлежность. Так, Козьмодемьянский уезд вошел в состав Нижегородской губернии, а Краснококшайский — в состав Вятской губернии. Позднее, 4 ноября 1920 г., была объявлена автономия марийского народа и создана Марийская автономная область. Эти административные изменения оказали свое влияние на продовольственную ситуацию в регионе.

Некоторое время наблюдалась двойственность продовольственных нарядов, налагаемых на марийские уезды. Казанские продовольственные органы настоятельно требовали выполнения всех их распоряжений. На все доводы Краснококшайского и Козьмодемьянского уездов о том, что территории с начала июля вышли из состава Казанской губернии и не подчиняются ей, Казань вторила, что до формальной передачи райпродкома уезды должны подчиняться ее распоряжениям²⁸.

Уполномоченный по принятию Козьмодемьянского уезда в Нижегородскую губернию Карклин дал распоряжение о приостановке отправки 2 000 пудов хлеба и 230 000 яиц и направил телеграмму в Народный комиссариат продовольствия РСФСР для разъяснения ситуации. При этом Казанские продовольственные органы требовали выполнения всех распоряжений по разверстке до 15 августа. В пределы уезда въехала масса организаций по закупке различных продуктов²⁹.

В итоге по имеющимся данным до августа 1920 г. в Казанский губпродком было передано Краснококшайским уездом 1 000 пудов овса и подсевной муки³⁰, Козьмодемьянским уездом — 2 000 пудов хлеба, 267 840 яиц и 150 пудов 37 фунтов масла. С августа 1920 г. по январь 1921 г. Козьмодемьянский уезд направил в Нижегородскую губернию 5 201 пуд 37 фунтов картофеля, 7 772 штуки домашней птицы, 469 пудов 8 фунтов свинины, 1 146 пудов 21 фунт баранины, 500 пудов овса, 222 пуда ячменя³¹. Если бы Марийская автономная область сформировалась ранее, то продуктовых потерь удалось бы избежать. В условиях низкой урожайности и недобора семенного материала любое продовольствие было хорошим подспорьем для голодающего населения и могло успокоить его на какое-то время.

С приходом осени и началом новой волны разверсток настроение жителей марийского края ухудшалось. Среди населения слышался ропот: «Нас разоряют коммунисты. Что будем есть дальше. Отбирать все отбирают, а выдавать не выдают»³². Непосильные наряды на разрушенные хозяйства не могли вызвать иной реакции. Голодных крестьян кормили патриотическими воззваниями следующего содержания: «Товарищи крестьяне! Красная армия ждет от вас помощи. Вы должны дать хлеб и спасти революцию!»³³. Реальных действий по улучшению положения сельских обывателей власти не проводили. Несмотря на брожение в крестьянской среде, значительных волнений осенью 1920 г. зафиксировано не было. Исключением стал распространенный по Козьмодемьянскому уезду призыв к восстанию против советской власти, который не был поддержан жителями³⁴. Кроме того, в с. Петровское этого же уезда направлялся вооруженный отряд для проведения продовольственной кампании. Инцидент на этом был исчерпан³⁵.

В связи с устойчивой тенденцией сокращения посевных площадей, влекшего за собой падение объемов продовольствия, властям необходимо было предпринять меры для ее сдерживания. С октября 1920 г. на территории Вятской губернии распространялось требование вспашки на зябь всех пустующих годных полевых земель за исключением пара 1921 г. Населению было объявлено, что те, кто не засеет всю землю весной 1921 г., будут объявлены «изменниками советской власти, предаваться суду, ставиться на 12 фунтовую норму обеспечения»³⁶.

28 декабря 1920 г. VIII Всероссийским съездом Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов принято постановление «О мерах укрепления и развития крестьянского сельского хозяйства». В преамбуле постановления проведение посевных работ 1921 г. по единому плану и руководству объясняется неурожаем 1920 г. и прогнозируемой засухой 1921 г. На всех уровнях власти создавались комитеты по расширению посевов и улучшению обработки земли (посевкомы). Устанавливался план засевов. Обсеменение полей объявлялось государственной повинностью. Запас семян, находящийся у землевладельцев, становился неприкосновенным семенным фондом. Предлагались следующие меры для сохранения семенного фонда: 1) семенная разверстка; 2) ссыпка семян в общественные амбары; 3) перераспределение семян; 4) взятие расписок с домохозяев, у которых находился неприкосновенный семенной фонд³⁷.

25 января 1921 г. была издана инструкция Совета народных комиссаров РСФСР о порядке и способах создания семенного фонда и сохранения семян для полного засева. Предложенные VIII съездом Советов меры для формирования семенного фонда нашли свое отражение в данной инструкции³⁸. В приоритете у государства было создание общественных амбаров, перераспределение семян и семенная раз-

верстка. Вероятно, исходя из идеологии «военного коммунизма», взять под контроль семенной материал — это был единственный способ хоть как-то его сохранить, ведь многие крестьянские хозяйства из-за отсутствия продовольствия пускали в ход семена. В итоге к посевной семян практически не оставалось. Понятно, что сельское население осуществляло подобные действия не от хорошей жизни. У крестьян отсутствовала вера в справедливость действий властей, так как все эти годы разверстки проходили с массой нарушений и применением насильственных форм принуждения. Кроме того, семена из хозяйств отбирались почти полностью, поэтому заинтересованности в сохранении их до следующего сезона не было: их в любой момент могли забрать в связи с революционной необходимостью. Так, хотя бы семенной материал позволял существовать хозяйствам какое-то время. Сама идея отчуждения семян в общественные амбары в крестьянском понимании с большой долей вероятности означала безвозвратное изъятие.

Не дожидаясь официальных инструкций из центра, местные органы власти немедленно приступили к реализации решений VIII съезда Советов рабочих, крестьянских, красноармейских, казачьих депутатов. 5 января 1921 г. состоялось заседание облпосевкома Чувашской автономной области по проведению посевной кампании в области. По районам были назначены уполномоченные с неограниченным спектром полномочий, которые были вправе действовать на свое усмотрение в зависимости от хода работ. Ссыпку хлебов планировалось начать 15 января и завершить к 1 февраля. Для координации действий и оперативного реагирования в случае появления различных эксцессов создавался областной семенной чрезвычайного-оперативный штаб³⁹.

Из инструкции для уполномоченных Чебоксарского волпосевкома Чебоксарского уезда следовало, что по прибытии на место они должны были выбрать амбар для ссыпки семенного материала, составить акт о его годности для обозначенных целей. Затем созвать собрание сельского общества и выбрать из его состава 1 — 2 крестьян, которые будут принимать зерно и впоследствии нести ответственность за целостность и сохранность зерна перед обществом. Были определены нормы высева хлебов на 1 казенную десятину: овса — 14 пудов, пшеницы — 12 пудов, ячменя — 13 пудов, гречихи — 8 пудов, гороха — 14 пудов, проса — 2 пуда⁴⁰.

На данном этапе Марийская автономная область еще не имела четких территориальных границ. Руководство продолжало работу по включению в область территорий с марийским населением. По состоянию на январь 1921 г. Помарская и Помьяльская волости, часть марийских селений Чебоксарской и Посадско-Сотниковской волости входили в состав Чувашской автономной области и подчинялись ее законам.

Формирование неприкосновенного семенного фонда не шло гладко. Практически с первых дней начала ссыпки семян в общественные амбары с мест шли известия о том, что домохозяева отказываются добровольно отдавать семена. В ночь с 18 на 19 января в Чувашской автономной области на почве проводимой семенной кампании вспыхнуло восстание⁴¹. Все началось в Акулевской волости, где был убит 1 партийный работник и 4 избиты. 20 января крестьянское брожение, начавшееся в Акулевской волости, перебросилось на соседние Алымкасинскую, Посадско-Сотниковскую, Помьяльскую волости и приняло характер стихийного восстания по всей автономной области. На место волнений прибыл отряд Чувашского обчека. Крестьяне оказывали сопротивление, вооружившись хозяйственными орудиями (топорами, вилами и т. д.). 22 января в Помарской волости 200 повстанцами был

убит помарский волвоенком, продолжалось жестокое преследование коммунистов⁴². 23 января в с. Кужмара и Красный Яр Помъяльской волости восставшими были убиты 3 партийных работника, 2 беспартийных учителя, 3 местных жителя. Восставшая толпа в тот же день еще до прибытия отряда разошлась по домам. Около 300 человек были арестованы и препровождены в обчека⁴³.

Руководство Марийской автономной области было обеспокоено ситуацией, сложившейся в соседнем регионе, так как силы и вооружение в области были «курам на смех», а настроение населения неудовлетворительным из-за неблагоприятного продовольственного положения. В разговоре по прямому проводу с первыми лицами Вятской губернии, председателями губисполкома Вейцером и губчека Запольским, губвоенкомом Капитовым, марийские государственные деятели докладывали, что восстание в Чебоксарском уезде перекинулось на территорию Марийской автономной области, и восставшие находятся в 65 верстах от Краснококшайска. В Вятской губернии была запрошена вооруженная помощь, так как кроме караульной роты в распоряжении Марийского ревкома реальной силы не было. Чтобы контролировать ситуацию и получать сведения о передвижениях и намерениях повстанцев, в направлении расположения восставших марийскими властями был отправлен разведывательный отряд⁴⁴. Несмотря на близость очагов восстания, население Марийской автономной области его не поддержало. К концу января крестьянское восстание в Чувашской автономной области удалось подавить. Ссыпка семян в общественные амбары продолжилась.

В Марийской автономной области учет семенного материала также проходил с затруднениями. В Моркинской волости Краснококшайского уезда на сельском сходе д. Подгорная жителям было объявлено, что «Ленин и Троцкий арестованы, под Москвой и Петроградом убито 80 000 коммунистов, советская власть долго держаться не сможет, красноармейцы распушены. Крестьянам надо теперь объединяться и идти в с. Морки ломать хлебные амбары, распределить имеющийся в них хлеб по домохозяевам обратно». Слухи распространялись председателем местного сельского совета К. Япеевым, членом совета А. Васильевым, членом сельской рабочей крестьянской инспекции В. Николаевым и жителем волости Г. Гусевым. Все указанные лица были арестованы и преданы суду областного революционного трибунала за распространение ложных слухов и подстрекательство к восстанию в условиях социальной нестабильности и близости открытых очагов восстания в Чебоксарском уезде Чувашской автономной области⁴⁵.

В Конганурской волости в ночное время неизвестными производилось хищение хлеба и хозяйственных предметов из амбаров. Так, 1 февраля «из-под замка» было украдено 5 пудов муки, 4 пуда ржи, 2 пуда овсяной крупы, 10 фунтов железных гвоздей, 4 фунта керосина⁴⁶.

Постановлением президиума ВЦИК от 15 марта 1921 г. о замене разверстки натуральным налогом и рядом дополняющих документов⁴⁷ большевистское правительство взяло курс на смену аграрной политики. Натуральный налог призван был дать крестьянам должжданную возможность использовать излишки своего труда для обмена на необходимые хозяйственные предметы. Размер налога устанавливался ниже уровня существующей на данный момент разверстки. Собранный налог должен был покрывать самые необходимые потребности армии, рабочих и неземледельческого населения. Объем налоговых поступлений на 1921 — 1922 гг. должен был составить не свыше 240 млн пудов зерновых продуктов при среднем урожае

против 423 млн, которые должны были быть собраны в 1920 — 1921 гг.⁴⁸ Декретом СНК от 28 марта 1921 г. в ряде губерний разрешались свободный обмен, продажа и покупка хлебных, хлебофуражных продуктов, картофеля и сена⁴⁹.

Понятно, что эффект от указанных нововведений был отложенным, и крестьянские хозяйства начали его ощущать только через несколько лет. Тем не менее сам факт принятия этих документов говорит о том, что государство повернулось лицом к главному производителю продовольствия в стране и перестало рассматривать крестьянство исключительно как объект деятельности, переведя его в статус субъекта, с которым необходимо устанавливать взаимовыгодные правила сотрудничества.

Однако проблемы, скопившиеся в деревне, не позволяли ее успокоить далекими перспективами. Она ждала улучшений «здесь и сейчас». Кроме того, крестьянство за 3 года утратило доверие к власти, ведь оно было обмануто в своих революционных ожиданиях. Вернуть это доверие было возможно, осуществляя только реальные действия по укреплению крестьянских хозяйств, что являлось длительным процессом. Обозначенные доводы подчеркиваются майскими информационными сводками Марийской автономной области, в которых говорится, что РКП(б) совершенно не пользуется авторитетом среди крестьянского населения. Никакие события в пользу советской власти, кроме улучшения экономического положения, на крестьянские массы не повлияют⁵⁰. В настоящий момент хлебопашцу нужно было решать насущные проблемы, первостепенной из которых являлся голод.

Положение в марийском крае менялось с каждым днем в худшую сторону. Посевная кампания 1921 г. была практически сорвана. Семенного материала катастрофически не хватало. В сложившейся ситуации также были слышны отголоски озднего в сравнении с соседними регионами образования Марийской автономной области. Центр дал наряды только на Краснококшайский и Козьмодемьянский уезды. Отошедшие территории от Яранского и Уржумского уездов Вятской губернии нарядами были не обеспечены. Все наряды на эти уезды с учетом переданных территорий были отписаны Вятской губернии. Апрельские попытки руководства Марийской области добиться от Вятки перераспределения семматериала в пользу переданных в область волостей не увенчались успехом. Яранский уезд категорически отказал удовлетворить просьбу в 222 тыс. пудов семян. Уржумский уезд пообещал дать 11 тыс. пудов овса вместо требуемых 360 тыс. пудов хлеба, но «не указал, откуда будет ввоз». Губернские власти предлагали не рассчитывать на снабжение семенами в каком бы то ни было количестве, мотивируя это тем, что на всю Вятскую губернию в старом составе отпущено 1 560 000 пудов семматериала⁵¹.

С мая 1921 г. ввиду нарастающего голода в Марийской области начинается новый подъем протестных настроений. Крупное волнение произошло в начале мая в Косолаповской волости Сернурского кантона. 6 мая 300 — 400 жителей волости собрались у здания волисполкома и потребовали выдачи продовольственного пайка. В противном случае угрожали взломать продовольственные склады и избить администрацию волостного исполкома и милиционера. Администрация во главе с инструктором по продовольствию Абрамовичем, уполномоченным от кантпосевкома Ивановым пыталась утихомирить толпу, говоря, что собравшиеся «делают преступление перед революцией». В результате волисполком решил отпустить разъяренной толпе 207 пудов фуражного овса для самого беднейшего крестьянства. Распределение было назначено на 7 мая. Должностные лица были вынуждены покинуть здание исполкома «огородами», так как из толпы доносились крики: «Убить коммунистов!».

На следующий день толпа собралась вновь в количестве не менее 400 человек. Жители волости требовали немедленной выдачи продовольственного пайка и открыть склады. Иначе они исполнят вчерашнее намерение. Из толпы донеслись выкрики: «Членов исполкома надо убить!», «Найти и расстрелять инструктора продовольствия Абрамовича!». Милиционер Лоскутов для усмирения собравшихся выстрелил в помещении волисполкома в потолок, чем вызвал еще более свирепую реакцию жителей.

О происходящем в с. Косолапове удалось оперативно оповестить заведующего Сернурским политбюро, который с отрядом в 8 человек подоспел в самый разгар событий. Отряд разогнал толпу. 12 человек были задержаны. Расследование этого волнения показало, что оно произошло на почве голода и его можно было предотвратить, своевременно выдав продовольствие нуждающимся. Контрреволюционной подоплеки обнаружено не было⁵².

Практически по сходному сценарию происходили события 26 — 27 мая в Себеусадской волости. 26 мая в д. Себе-Усады около волисполкома собралась толпа и просила председателя исполкома Петрова выдать сколько-нибудь хлеба. В тот день жители волости мирно разошлись, но 27 мая снова пришли с этим же требованием. Получив отказ, сломали замок у амбара, но взять ничего из него не успели, так как подошел милиционер и сделал несколько выстрелов в воздух. Толпа разбежалась⁵³.

В июне 1921 г. были разгромлены 3 хлебных амбара в Кумужьяльской и Моркинской волостях, притом из амбаров продовольственных запасов практически не было похищено. Там, где население успело распределить продукты, прошли рейды, все было возвращено обратно⁵⁴.

Таким образом, если в 1918 — 1919 гг. крестьяне боролись за сохранность продовольствия своих хозяйств и выражали несогласие с теми или иными мероприятиями властей, то в 1920 — 1921 гг. они в прямом смысле начали воевать за хлеб насущный, чтобы выжить. Перед угрозой голода все остальное ушло на второй план. Следует отметить, что к 1920 г. крестьянство окончательно осознало, что оно осталось наедине со своими проблемами, которые, как показал VII Уржумский уездный съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, носили системный характер и могли быть решены только при участии центральных органов власти. Отныне хлебопашцы руководствовались исключительно инстинктом самосохранения. При этом на примере событий, произошедших на сельском сходе д. Подгорной Моркинской волости, можно увидеть, что сохранилась ярко выраженная в 1917 — 1918 гг. тенденция крестьянской самоорганизации во главе с деревенскими и сельскими должностными лицами, стоящими на интересах обществ, которые они представляли.

К весне 1921 г. стало понятно, что политика «военного коммунизма» изжила себя, а меры принудительного характера перестали давать желаемый результат. Наглядно это показала кампания по сбору семян в общественные амбары зимой 1921 г. Необходимо было менять механизмы взаимодействия с деревней, осуществлять системные сдвиги, при этом делать их более привлекательными, чтобы у крестьянина была заинтересованность в развитии своего домохозяйства. Введение продовольственного налога вместо продразверстки и возвращение относительно свободного товарообмена призваны были решить скопившиеся в крестьянской среде проблемы. Однако ввиду полнейшей продовольственной разрухи выправить ситуацию мгновенно не удавалось. «Голодные» восстания невозможно было остановить.

Библиографические ссылки

¹ См.: Крестьянское восстание 1921 года в Чувашии : сб. док. / сост. Е. В. Касимов. Чебоксары, 2009. 416 с. ; Крестьянское движение в Поволжье. 1919 — 1922 : док. и материалы / под ред. В. П. Данилова, Т. Шанина. М., 2002. 944 с. ; Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919 — 1921 гг. : «Антоновщина» : док. и материалы / под ред. В. П. Данилова, Т. Шанина. Тамбов, 1994. 332 с. ; Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. 1918 — 1939. : док. и материалы : в 4 т. Т. 1 : 1918 — 1922. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М., 1998. 864 с. ; Степановский мятеж в документах и воспоминаниях : сб. док. и воспоминаний / сост. Д. Козак. Киров, 2018. 504 с. ; Филипп Миронов : Тихий Дон в 1917 — 1921 гг. : док. и материалы. / под ред. В. Данилова, Т. Шанина. М., 1997. 792 с. ; Российское крестьянство в эпоху революций и Гражданской войны: регионально-национальный аспект / НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия; сост.: Е. Н. Бикейкин [и др.] ; [редкол.: В. В. Кондрашин, В. А. Юрчёнков (отв. редакторы) и др.; вступ. ст. В. А. Юрчёнкова и др. ; археогр. предисл. Т. Ю. Задковой ; имен. указатель Н. В. Липатовой]. Саранск, 2016. 880 с.

² См.: **Данилов В. П.** История крестьянства России в XX веке. Избранные труды : в 2 ч. М., 2011. Ч. 1. 861 с. ; 2011. Ч. 2. 831 с. ; **Его же.** Крестьянская революция в России, 1902 — 1922 гг. // Крестьяне и власть : материалы конф. М. ; Тамбов, 1996. С. 4 — 23 ; **Данилов В. П., Данилова Л. В.** Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX — XX вв.). М., 1996. С. 22 — 39.

³ См.: **Кабанов В. В.** Аграрная революция в России // Вопросы истории. 1989. № 11. С. 28 — 45 ; **Его же.** Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М., 1988. 302 с. ; **Его же.** Пути и бездорожья аграрного развития России в XX веке // Вопросы истории. 1993. № 2. С. 34 — 45 ; **Его же.** Разработка основного закона о социализации земли // Октябрь и советское крестьянство. 1917 — 1927 гг. М., 1977. С. 79 — 111.

⁴ См.: **Кондрашин В. В.** Аграрные реформы в России в XX в. в современной отечественной историографии // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Сер.: Гуманитарные науки. 2002. № 3. С. 18 — 29 ; **Его же.** Крестьянское движение в Поволжье в 1918 — 1921 годы глазами повстанцев // История Отечества на рубеже веков: опыт, проблемы, пути решения : материалы межрегион. науч.-практ. конф. (28 — 29 марта 2001 г.) : в 3 ч. Оренбург, 2001. Ч. 2. С. 60 — 67 ; **Его же.** Крестьянское движение в Поволжье в 1918 — 1922 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. Пенза, 2001. 561 с. ; **Его же.** Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М., 2009. 574 с.

⁵ См.: **Осипова Т. В.** Крестьянский фронт в гражданской войне // Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 90 — 161 ; **Ее же.** Обманутый класс // Родина. 1990. № 10. С. 24 — 25 ; **Ее же.** Развитие социалистической революции в деревне в первый год диктатуры пролетариата // Октябрь и советское крестьянство. 1917 — 1927 гг. М., 1977. С. 43 — 78 ; **Ее же.** Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М., 2001. 400 с.

⁶ См.: **Павлюченков С. А.** Военный коммунизм в России: власть и массы. М., 1997. 270 с. ; **Его же.** Крестьянский Брест, или предыстория большевистского НЭПа. М., 1996. 298 с.

⁷ См.: **Юрчёнков В. А.** Власть и общество: российская провинция в период социальных катаклизмов 1918 — 1920 гг. Саранск, 2010. 440 с. ; **Его же.** Крестьянство и власть (1917 — весна 1918 г.): уровень волости // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2015. № 3. С. 55 — 77 ; **Его же.** Миронов как идеолог казачества и крестьянства // Там же. 2015. № 4. С. 74 — 82 ; **Юрчёнков В. А., Куршева Г. А., Чернов А. В.** Крестьянство в период социальных конфликтов первой четверти XX в.: реалии современного историографического осмысления // Там же. 2016. № 1. С. 93 — 104 ; **Их же.** Крестьянство и казачество в России в годы революции 1917 г. и Гражданской войны: регионально-национальный аспект (опыт реализации проекта) // Там же. 2017. № 2. С. 60 — 65 ; **Юрчёнков В. А.** Казачество России на переломе эпох: современное историографическое осмысление // Там же. С. 25 — 39 ; Крестьянство и казачество России в условиях революции 1917 г. и Гражданской войны: национально-региональный аспект : монография / редкол.: В. В. Кондрашин, В. А. Юрчёнков (отв. редакторы) [и др.] ; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. М. ; Саранск, 2017. 1048 с.

⁸ **Кондрашин В. В.** Крестьянское движение в Поволжье в 1918 — 1921 годы глазами повстанцев. С. 62 — 63.

- ⁹ См.: Крестьянское движение в Поволжье... С. 306.
- ¹⁰ ГА РМЭ. Ф. Р-35. Оп. 1. Д. 102. Л. 91, 91 об. ; ГА РТ. Ф. Р-116. Оп. 20. Д. 1. Л. 14, 14 об.
- ¹¹ ГА РМЭ. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 5. Л. 10 об.
- ¹² ГА РМЭ. Ф. Р-35. Оп. 1. Д. 102. Л. 46 ; ЦГА КО. Ф. П-15. Оп. 1. Д. 19. Л. 8.
- ¹³ ЦГА КО. Ф. П-15. Оп. 1. Д. 19. Л. 18.
- ¹⁴ ГА РМЭ. Ф. Р-275. Оп. 1. Д. 183. Л. 99 об.
- ¹⁵ ЦГА КО. Ф. Р-3454. Оп. 1. Д. 3. Л. 207, 217.
- ¹⁶ Там же. Л. 4 об., 5.
- ¹⁷ Там же. Л. 5 об.
- ¹⁸ Там же. Л. 176.
- ¹⁹ Там же. Л. 207.
- ²⁰ Там же. Л. 219.
- ²¹ ГА РМЭ. Ф. Р-368. Оп. 1. Д. 126. Л. 29, 29 об., 30.
- ²² Там же. Д. 78. Л. 84.
- ²³ Там же. Л. 85; Д. 126. Л. 29, 29 об., 30.
- ²⁴ Там же. Л. 46.
- ²⁵ Там же. Д. 126. Л. 30.
- ²⁶ Там же. Д. 1. Л. 117.
- ²⁷ Там же. Д. 78. Л. 121, 124.
- ²⁸ ГА РМЭ. Ф. Р-275. Оп. 1. Д. 203. Л. 29, 30 ; Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 52. Л. 22.
- ²⁹ ГА РМЭ. Ф. Р-262. Оп. 1. Д. 151. Л. 79, 103.
- ³⁰ ГА РМЭ. Ф. Р-275. Оп. 1. Д. 203. Л. 30.
- ³¹ ГА РМЭ. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 52. Л. 22.
- ³² ЦГА КО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 429. Л. 47.
- ³³ ГА РМЭ. Ф. Р-262. Оп. 1. Д. 175. Л. 17.
- ³⁴ ГА РМЭ. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 52. Л. 1.
- ³⁵ Там же. Д. 50. Л. 64.
- ³⁶ ГА РМЭ. Ф. Р-368. Оп. 1. Д. 141. Л. 229.
- ³⁷ См.: Крестьянское восстание 1921 года в Чувашии... С. 24 — 26.
- ³⁸ См.: Декреты Советской власти. Т. XII. Декабрь 1920 г. — январь 1921 г. М., 1986. С. 212 — 220.
- ³⁹ Крестьянское восстание 1921 года в Чувашии... С. 26 — 27.
- ⁴⁰ Там же. С. 37 — 38.
- ⁴¹ См.: Крестьянское движение в Поволжье... С. 629.
- ⁴² См.: Крестьянское восстание 1921 года в Чувашии... С. 161.
- ⁴³ Там же. С. 167.
- ⁴⁴ ЦГА КО. Ф. Р-875. Оп. 4. Д. 7. Л. 101, 101 об.
- ⁴⁵ ГА РМЭ. Ф. Р-263. Оп. 1. Д. 9. Л. 4.
- ⁴⁶ ГА РМЭ. Ф. Р-368. Оп. 1. Д. 191. Л. 3.
- ⁴⁷ См.: Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 21 марта 1921 г. «О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом» // Собрание указаний и распоряжений правительства за 1921 г. М., 1944. Ст. № 147. ; Постановление Совета народных комиссаров от 28 марта 1921 г. «Об установлении продовольственного натурального налога на 1921 — 1922 годы для зерновых продуктов в размере не свыше 240 миллионов пудов» // Известия. 1921. № 67. 29 марта.
- ⁴⁸ См.: Декреты Советской власти. Т. XIII. 1 февраля — 31 марта 1921 г. М., 1989. С. 204, 245 — 247, 285.
- ⁴⁹ Там же. С. 283 — 284.
- ⁵⁰ См.: **Иванов А. А.** Марийская автономная область после перехода к НЭПу (по материалам информационных сводок областной чрезвычайной комиссии) // Марийский археографический вестник. 2012. № 22. С. 197.
- ⁵¹ ЦГА КО. Ф. Р-875. Оп. 4. Д. 4. Л. 6.
- ⁵² См.: **Иванов А. А.** Указ. соч. С. 198 — 199.
- ⁵³ ГА РМЭ. Ф. Р-263. Оп. 1. Д. 9. Л. 28.
- ⁵⁴ См.: **Иванов А. А.** Указ. соч. С. 203.

Поступила 20.10.2021 г.